

- Я социалист, Карамазов, я неисправимый социалист...
- Социалист? – засмеялся Алеша, – да когда это вы успели? Ведь вам еще только тринадцать лет, кажется? ...Мне показалось тоже, что вы не свои слова говорите...

Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы

1. «Парабасис». Жанр

Поначалу кажется – перед нами один большой стилистический штамп.

Будто эпитафия ко всему в романе: *он впервые в жизни не сдержался и сказал, что все ее духовные потребности всегда сводились к вкусной еде и животной baise**.

Кажется, жанр – детектив. Но расследование появляется и исчезает.

На достоверность работают вбросы «занимательной» латыни. Читателя приобщают к «полезной» работе по чтению сносок. Узнаем, что героиню звали Фика (вагина по-итальянски), девушки в условном 1601 году в Италии *брили брови и выбеливали лицо, носили под юбкой пучок сухой травы, чтобы отбить запах пота; Его Святейшество папа Климент VIII не любил евреев и испанцев; слон совокупляется лишь раз в жизни, чтобы зачать потомство; а мужской пенис, наполненный желанием, весит примерно столько же, сколько тридцать три золотых венецианских дуката.*

Мелькают незнакомые завораживающие названия: герои скачут на другой берег Тибра, к Авентинскому холму, за ворота Сан-Паоло, мимо базилики Святой Сабины.

Современная литература призвана развлекать. Отсылки к известным культурному человеку фактам – признак жанра: в Италии воруют и то и дело пускают в ход кинжал, а вино безопасней воды из Тибра.

* Случка (фр.).

Диалоги романа – объяснение в любви к диалектике Федора Михайловича, с тем отличием, что здесь нет места авторским идеям, а сам образ автора возникает из постмодернистского пространства, по прочтении.

Жанр диктует говорить обо всем. Автор угадывается лишь в осознанном интеллектуальном выборе игры, а не в стиле.

Обратимся к авторскому слову: *Этот довольно небрежно, словно между делом написанный рассказ с его героями, характеры которых были очерчены пунктиром, как будто и не предполагая никакой глубины.*

Сочетание «высокого с низким» (по Достоевскому) весь текст декларируется самим автором: *секретный агент – лицо совершенно анонимное, вроде Железной Маски или Гомера.* «Низкого» неизмеримо больше. «Высокое» призвано проступать сквозь него.

Чужие мысли произносятся героями романа Юрия Буйды «Сады Виверны», совсем как Колей Красоткиным в «Братьях Карамазовых». Разговоры сплошь состоят из наблюдений, взятых на пространстве литературы, философии и искусства. *Греки считали, что красота и добро – одно и то же,* – так нам представляют древнегреческую калокагатию.

Да и сами герои будто откуда-то взяты. Пожилой инквизитор Дон Чема и его *измученный совестью и похотью* послушник Томмазо – из «Имя Розы» Умберто Эко. Вивенький – герой рассказа Сартра «Герострат», Раскольников и вампир в одном лице.

Опять словами автора: *обычно все первое действие она напряженно соображала, кто кому кем приходится, а уж потом отдавалась спектаклю без остатка. Ее не волновали декорации и костюмы – она вся обращалась в слух.*

Диалоги романа – объяснение в любви к диалектике Федора Михайловича, с тем отличием, что здесь нет места авторским идеям, а сам образ автора возникает из постмодернистского пространства, по прочтении.

Обман – главный принцип постмодерна. *Прояви терпение, мой друг, и туман мало-помалу рассеется...*

Здесь есть все от средневекового куртуазного романа, до детектива и вампирской саги. С бурным развитием истории, все недостатки такой прозы переходят в достоинства. Читать легко и хочется. Боевые священники чистят и заряжают пистолеты – по твердому завету Антона Павловича Чехова – будет драка! Всего так много, что не боишься что-то упустить, будто общаешься с начитанным собеседником.

Совпадения не моветон – дела героев пересекаются случайно по несколько раз через десятилетия и столетия. Время в постмодерне – относительное понятие. *Россия... существует и одновременно как бы не существует, поэтому рассказывать о ней можно с любого места, с любой точки из будущего, из прошлого, сбоку и от горшка с кашей, и не ошибешься.*

Сказать, что в такой литературе каждый найдет свое, нельзя. Развлекать нынче – вовсе не признак массовой литературы. Читатель рискует увидеть лишь беллетристическую раму без картины. *Почитайте Ницше, мои маленькие друзья...*

Начиная, наверное, с Петрарки, каждое поколение сетовало на упадок и ничтожество своей эпохи. Автор наслаждается представляемыми им тремя мирами. О чем же они?

2. «Лемаргия». Три повести – три мира

Герои узнают о героях других частей из книг: *Первая повествовала о похождениях инквизитора и его секретаря, охотившихся за художником, который обладал волшебным даром превращения дурнушек в красавиц, а вторая – о приключениях шалопая из Гавра, бежавшего от ужасов Французской революции и оказавшегося в замке злых колдунов.*

Три части нехитро соединены женским портретом необычайной красавицы и тетрадью с повестью о приключениях некоего инквизитора времен папы Климента VIII. *Очень занимательное, хотя местами и неприличное чтение.*

Первая часть названа «Парабасис» – что должно означать комментарии автора к разыгранной пьесе. Потому-то куртуазная сторона истории не нова и не важна: постмодернистский мир. Условный 1601 год. Женщины с физическими недостатками и врожденным уродством получают красоту, но становятся одержимы.

Во второй части романа «Лемаргия» мы переносимся на два века вперед во Францию, в кровавые времена революции. Любого дворянина все еще могут убить походя, а города и крупные селения лучше объезжать стороной, как в средние века.

Если человек просто набивает брюхо, не заботясь о вкусе пищи, он предается греху под названием гастримаргия, а вот если он наслаждается вкусом блюд, отдавая предпочтение тем, что изысканнее, то он погрязает в лемаргии... Вампиры страдают именно лемаргией.

Герои, как теперь нетрудно догадаться, вампиры, ворующие тела, а *тела на рынке истории внезапно подешевели – как не воспользоваться такой возможностью? Если бы не революция, пришлось бы пускаться на ухищрения, рисковать, а тут – вот они люди – сосуды для других людей!* Герой стоит перед выбором – потерять собственное сознание, но жить вечно или погибнуть.

Третья часть, названная «Уршух», начинается в год смерти Достоевского и, думается, от этого кажется наиболее достоверной. Автор лучше остального знает о муках дворянской интеллигенции в огне русской революции.

«Уршух» больше похож на синопсис большой саги, где пропущены целые десятилетия. Мистика уступает место реальности. Хребет истории основан на адюльтерном казусе: *Террористический акт потряс Европу, но никому и в голову не пришло, что его целью был не член царской семьи, а пятнадцатилетняя девочка, племянница великого князя, забеременевшая от секретного агента Охранного отделения.*

Герой «саги» Виктор Вивиани де Брией (для друзей просто Вивенький) – жестокий и беспринципный отморозок, реальный вампир-психопат без налета мистики и сказочности.

В остальных героях трех частей романа всегда доминирует желание спасти девушку: в первой части – от хромоты, бедности и проституции, во второй – от разбушевавшихся вампиров-дворян, в третьей – от ужасов революции. Желание это имеет очевидную плотскую направленность.

История намечена пунктиром, к концу фантазмагорического трикнижия это, пожалуй, единственное, за что хочется покритиковать. Три истории-части – конструктор, из которого читатель создает свой идейный пазл.

Далее следует пазл, который составил для себя автор статьи.

3. «Уршух». Образ автора

3.1. Лемаргия – неумеренная сексуальная жажда, одно из ключевых понятий романа

Все спят со всеми без разбора! Священники с простолоюдинками, друзья с женами друзей, дворяне с горничными, маркиза представляет мужу *своего официального любовника*... То и дело кто-то *нечаянно попадает пухлыми губами в чей-то рот*. Герои готовы, *как Дон Жуан, переступить любые границы, поддаваясь зову душевной лемаргии*.

Описания стилизованы под бульварный роман: *В постели она обвивала меня, как змея, и одаривала всеми щедротами своего недорогого тела*.

Легкое поведение льется через край в средневековье, где *моей малышке было судьбой уготовано влиться в несметную армию римских проституток*, в революционном Париже, где *каждая восьмая женщина занималась проституцией*, и в просвещенной России на рубеже веков:

– *Георгий Владимирович, да ради бога!* – *взмолился Дыдылдин.* – *У меня кровь стынет в жилах, а вы о проститутках!*

Я шла на свидание, не надевая панталон, чтобы в случае чего быть готовой исполнить любое его желание в любом месте.

Апогей отрицания лемаргии – псевдохлыстовская оргия в третьей «русской» части романа.

Из страсти рождается стремление героев: *я хочу, чтобы выжила лишь вот эта женщина, только она. Именно она превратила мою кровь в золотой иخور.*

Секс – лейтмотив происходящего. Его обилие понимаешь не иначе, как гротеск. Автор действительно хочет нам что-то сказать: *Я помню, чем пахнут твои подмышки, твой рот, твоя сиппис...* – *Ты хочешь сказать, что любишь меня?*

Вместо ницшеанского «Бог умер» в романе умерла вся любовь, даже любовь к ближнему. Над всем довлеет страсть. *То есть вы полагаете, что красота может быть злом?*

– *Когда я испытываю влечение к женщине, она становится красавицей, но это происходит помимо моей воли. Я не желаю им красоты – я хочу, чтобы они любили.*

3.2. После такого потрясения идут либо в полицию, либо в революцию...

Человеческий мозг так устроен – мы находим схожесть или ищем различия. Параллелизм – двигатель постмодернистского романа.

Литературная похоть в священнической среде не нова со времен Боккаччо. Епитимии накладывают в виде секса и бритья ног. У автора стреляет любое ружье: *Решающим доказательством принадлежности к нечистой силе стали ее бритые ноги... Бритый лобок ей простили, а бритые ноги – нет...*

Тела дорожат, души обесцениваются. Инквизиция борется с попытками поставить человека в центр истории. Царь зверей становится царем вещей. Образ жизни... человека связан с дефицитом божественности, с выхолащиванием человеческого.

Сожжение еще одной деревенской дурочки, нуждающейся в любви и лечении, стало бы полноценным восполнением этого дефицита... Обрезки, отходы

Читатель знает – инквизиция проигрывает, разрушения любой нормы неизбежно. Переход – всегда кровавая революция: «Вчера на площади Людовика Пятнадцатого был казнен Людовик Шестнадцатый. Народ ликовал, мужчины пили кровь, которая стекала с эшафота, а женщины этой кровью золотили свои лица».

в печь? – А разве сама жизнь не делает то же самое? Господь делит людей на тех, кто верен ему, и тех, кто против... Для нас же это просто гигиена, мой друг.

Читатель знает – инквизиция проигрывает, разрушения любой нормы неизбежно. Переход – всегда кровавая революция: *Вчера на площади Людовика Пятнадцатого был казнен Людовик Шестнадцатый. Народ ликовал, мужчины пили кровь, которая стекала с эшафота, а женщины этой кровью золотили свои лица.*

Автор, как завещал Достоевский, работает на стыке миров, выбирая времена, когда льется кровь. Времена смерти Бога.

Смысл революций – стереть границы: убрать различия между бедными и богатыми, а также границы между мужчинами и женщинами, между красотой и свободой, между реальностью и вымыслом, чтобы навсегда преодолеть историю, избавиться от всего человеческого и достигнуть всемирной гармонии.

Но мы и автор знаем, революции приводят к появлению Бога хаоса – жестокого *Уршуха*: *когда придет русский Наполеон или Уршух, мы станем вивы, и нас всех просто в печах сожгут, как мусор, sfr idi...*

Уршух скоротечно, как сама революция, переходит из нереальности средневековья и далеких времен падения французской монархии в реальность кровавой революционной поры нашей собственной русской травмы. *Как бы я хотел сейчас хоть одним глазком заглянуть в это будущее... чтобы попасть в рай, Данте пришлось спуститься в ад, и это входит в замысел Божий о нас, о России...*

Упыри материализуются в реальных сотрудников ВЧК. Время убыстряет свой бег, автор будто торопится, пропускает годы, десятилетия... К концу романа время начинает прыгать на десять-пятнадцать лет вперед и назад. *Воспоминания детства мешаются с повседневностью, видения – с реальностью...*

3.3. Всего в мире два: они говорили о двойничестве и безумии – двух важнейших темах русской литературы

Подмастерье инквизитора хочет, чтобы его возлюбленная простолюдинка перестала хромать, и обращается к волшебнику, которого должно распять.

Добрый инквизитор – Дон Чема, давший обет *ars humilitatis* (наука смирения) бритья женских ног, искренне считает – *не люди заслуживают спасения, а только их души*, и с удовольствием сжигает молоденьких девочек на костре.

Джордано Бруно... сожгли, и я при этом присутствовал, радуясь вместе со всеми за души счастливицев, которые освободились от этой скотины.

Люди лишь сосуды для вампиров, считающих себя богами: мы – темные боги, в жилах которых течет золотой иxor, а не мерзкая кровь, мы можем все попробовать, не думая о химерах вроде греха, совести, стыда, страха, потому что мы бессмертны, и бессмертны наши прекрасные женщины...

3.4. Бога нет – настойчиво твердят герои романа

В первой средневековой части богохульствует горбун Джованни: *Иисус Христос был уродом, и все Его слова и поступки – слова и поступки человека, родившегося по ту сторону красоты, в левом мире, захваченном уродством. Может быть, он был горбуном, как знать, или эпилептиком. Жажда красоты так, как ее жаждал Иисус, может только тот, кто от рождения ее лишен, кто изувечен природой и Богом и навсегда лишен благодати нормы... Он для них, для хромых, горбатых и припадочных, а не для вас, и не для вас Его царство, а для них, потому что они были унижены сначала во чреве матери, а потом и в презренном меньшинстве среди нормальных людей...*

Через века горбуну и чернокнижнику отвечает неграмотный сектант Осот из третьей части:

– Христос – красив, аж глаз болит. А на нас глянь – урод на уроде, дурак на дураке... Нет Христа – нет греха, страха нет. Уршуш все позволяет.

С ними обоими спорит интеллигентный дворянин: *красота отдельного человека, даже если это Иисус Христос, ничего не стоит в мире денег, невозможных без лжи и насилия... Христос освободил душу, Ренессанс – человека, Великая французская революция – общество, русская революция освободит и преобразит весь Космос!..*

Старик-вампир Бодэ из второй части закругляет: *Дон Хуан де Тенорьо именно потому и не мог продать душу дьяволу, что не верил в Бога... Ртутная природа человеческой души нашла в нем высшее и мерзейшее воплощение. Он сам был источником морали, его произвол и был моралью... а наша безгрешность, может быть, самое ужасное, что с нами произошло... Аномия, беззаконие – называйте как угодно...*

